

ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

АРГУМЕНТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА ЛОГИКИ*

А. И. Мигунов

К сожалению, в настоящее время еще не сложилась общепринятая терминология в той традиции логических исследований, которую называют теорией аргументации, неформальной логикой или исследованиями приемов критического мышления. Я, не претендуя на оригинальность и безусловную приемлемость этого термина, буду называть в пределах данной статьи ту часть указанной традиции, которая тяготеет к логической прагматике, аргументологией. Под аргументологией я буду понимать область знания, в которой строятся теоретические исследования реального аргументативного дискурса с использованием философско-логических средств. В исследовании речевой деятельности сошлись интересы логики, философии языка, лингвистики, психологии. Но аргументология, исследуя реальные процессы аргументативной речи, не выясняет, как рассуждают разные люди в разных житейских ситуациях, преследующие разные цели, использующие для достижения своих целей разные лингвистические средства. Аргументологию интересует, как разумный человек должен строить речь, обращенную к другому разумному человеку, чтобы она была эффективной, каковы логические и рациональные коммуникативные критерии этой эффективности. Можно сказать, что это аргументология в узком смысле. Но именно в этом, узком смысле я и буду далее употреблять данный термин.

1

За две с половиной тысячи лет существования логического знания понимание его предмета претерпело существенные изменения и прежде всего в XX столетии. Этому способствовало развитие самой логики, ее методов, качественные изменения в других областях фундаментального знания, в первую очередь в математике, философии и лингвистике.

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант № 07-03-00610а

© А. И. Мигунов, 2009

Освоение логики как учебной дисциплины начинается с разъяснения ее предмета, и здесь подавляющее большинство современных учебников дают определения, по поводу которых у их авторов не возникло бы принципиальных разногласий с логиками XIX или даже XVIII в. Однако современные работы по теоретической логике, по ее прикладным проблемам, показывают, что сейчас подобного единомыслия у исследователей нет.

Современное состояние логики еще в значительной степени определяется тем разворотом ее исследовательского интереса, который начался более ста лет назад, когда интерес логического знания все более сосредоточивался на проблемах математики, когда наиболее важные результаты логических исследований были получены в исследованиях оснований математики. Именно поэтому логика все более представлялась разделом математики, более того, как заметил Б. Рассел, в одной из своих полемических заметок, опубликованных в 1904 г. в «The Hibbert Journal» «вся теоретическая математика является просто продолжением символической логики»¹. Понятно, что в этой ситуации исследования форм рассуждения все более отодвигались на периферию научного интереса.

Проблема предмета логики обострилась в XX в. потому, что собственные тенденции развития логического знания, его методов наложились на осознанную потребность представителей математики и теоретического естествознания в выяснении логических принципов, лежащих в основаниях их собственных наук. Законные попытки частных наук решать свои проблемы, используя методы, развитые в логике, привели к появлению новых тенденций, направлений в логике и также новых неклассических логик, порождаемых недостаточностью классических средств. Неклассические логики возникают не только благодаря развитию собственных логических средств, а имеют своим источником прежде всего философский интерес, формулирующий проблему, для решения которой формируются со временем в том числе и соответствующие технические средства.

В отличие от других наук математика не только использует методы логики, ее нормы в исследовании своего предмета, но и, стремясь к совершенствованию инструментария теоретического поиска, делает логику объектом исследования и, таким образом, развивает логическую теорию, приспособивая ее к решению своих проблем. Как заметил в 1935 г. А. Тарский, «благодаря развитию математической логики мы научились в течение последнего десятилетия лет представлять математические науки в виде формализованных дедуктивных теорий»². Здесь проявилась близость методов логики и математики. Можно ли утверждать, что логика, превращая теоретические конструкты

¹ The Hibbert Journal. A Quartely Review of Religion, Theology, and Philosophy. 1904. Vol. 2. N 4 (London). P. 810.

² Tarski A. On the Concept of Logical Consequence // Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics. 2nd ed. Indianapolis, 1983. P. 412.

математики в свои собственные объекты исследования, становится разделом математического знания, поглощается математикой?

Уже к середине XX в. для многих стало несомненным, что современная логика — это логика математическая. Так, характеризуя современную формальную логику, ее специфику по сравнению с предшествующей ей логикой, Иозеф Бохенский в докладе, специально посвященном рассмотрению смысла современной формальной логики (сентябрь, 1976 г.), подчеркивал, что это уже *математическая логика*, поскольку основывается на трех, взятых из математики, фундаментальных методологических принципах: использование искусственного языка, формализм и объективизм. Метод современной формальной логики использует правила, которые, предписывая те или иные операции со знаками, учитывают исключительно их графическую форму, а не значение и содержание терминов. Таким образом, процедура анализа формы рассуждения принимает вид исчисления. При этом, как утверждает, современная формальная логика исключает субъективный фактор, очищая язык науки от неопределенности и двусмысленности. Более того, она, по сути, перестает быть системой знания о нормах рассуждения. Современная логика может и должна быть приложима к мышлению не более, чем правила астрономии применимы к мышлению астрономов, а правила ботаники — к ментальным актам ботаников. Единственное отличие заключается в том, что поскольку логика формулирует самые общие законы и правила, ее результаты должны прилагаться повсюду, а не в какой-то ограниченной области³.

Совершенно определенно эта мысль относительно предмета логики высказана Расселом в упомянутой выше статье: «На всем протяжении логики и математики существование человеческого разума или любого другого разума совершенно иррелевантно; ментальные процессы изучаются средствами логики, но предмет логики не предполагает ментальные процессы и был бы вполне законным, если бы никаких ментальных процессов не было. Верно, что в этом случае мы не знали бы логики, но наше знание не должно путаться с самими истинами, которые мы знаем. И в случае логики, хотя наше познание, конечно, предполагает умственные процессы, но то, что является предметом нашего знания, не предполагает их. Логика никогда не займет свое надлежащее место среди наук, пока не будет признано, что истина и познание истины столь же различны, как яблоко и процесс его поедания»⁴. Аналогичные рассуждения о предмете логики встречаем и у Я. Лукасевича⁵.

³ См.: *Bochenski J. M. The General Sense and Character of Modern Logic // Modern Logic — A Survey (Synthese library. 1981. Vol. 149), P. 10.*

⁴ *The Hibbert Journal. A Quartely Review of Religion, Theology, and Philosophy. Vol. 2. N 4. London, 1904. P. 812.*

⁵ См.: *Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. С. 48–51.*

Когда он говорит, что логика изучает не мышление, а язык, у читателя складывается впечатление, что язык и мышление представляют собой два самостоятельных объекта исследования, изучаемых разными науками независимо один от другого.

С возникновением математической логики выражение «современная логика» часто стало восприниматься как синоним выражения «математическая логика». Но математической логике самой уже идет вторая сотня лет, и чем дальше, тем эта синонимия становится сомнительнее.

В то же время логика, обогащенная математическими методами, имеет дело не только с математическим знанием и его объектами. Она продолжает исследовать естественный язык и принципы рационального рассуждения в нем. Это направление логических исследований, реализующее идею Г. В. Лейбница об исчислении умозаключений, изложенную им еще в 1666 г. в трактате «Об искусстве комбинаторики», владеющее уже изрядным и многообразным концептуальным и теоретическим богатством, также называют математической логикой.

Развитию взглядов на предмет науки способствуют и происходящие в других областях знания изменения в понимании природы самого объекта, изучаемого логикой. Рассуждение, рациональный дискурс, является специальным объектом исследования целого ряда наук, которые тоже вносят существенные изменения в наше знание о природе рассуждения. Изменения в понимании природы рассуждения, предлагаемые в лингвистике, философии языка, не могут не вносить изменений в толкование предмета самой логики.

Науки, изучающие мир, строят свои рассуждения о мире в соответствии с логическими нормами, которые способствуют сохранению истинности получаемого знания. Можно ли предположить, что эти нормы зависят от особенностей объекта, изучаемого соответствующей наукой? В. Ф. Асмус полагал, что можно, утверждая что «теория понятия, аксиоматика и учение о законах мышления неизбежно связаны со свойствами мыслимого, что для прежней — кажущейся — независимости формальной логики от специальных наук не осталось места»⁶. Следовательно, многообразие логических форм правильного рассуждения определяется в том числе и специфическим предметом той области знания, которой это рассуждение принадлежит. Если мы не можем относительно некоторых объектов зафиксировать определенно их существование или отсутствие, то в наших разговорах о них закону исключенного третьего не место. То есть развитие научного знания ведет к изменению логики, возникновению новых логик, в которых отражается специфика предметных проблем этой науки, вплоть до того, что различные направления

⁶ Асмус В. Ф. Шарль Серрюс и логика отношений (вступительная статья) // Серрюс Ш. Опыт исследования значения логики. М., 2002. С. 8.

научного знания могут иметь свои логики. Получается, что одна логика должна упорядочивать рассуждения, например, о макромире, и другая — рассуждения о микромире. Если это принимается, то влечет ли это с необходимостью онтологизацию логических проблем?

В логике спор о ее предмете предполагал и дискуссию по вопросу, изучает ли логика мир или только рассуждения о нем. То есть можно ли давать онтологическую интерпретацию логическим законам, являются ли они законами мира, или только правилами рассуждения о нем? Скажем, является ли логический закон тождества законом функционирования реального мира, или это регулятивный принцип, которым должен руководствоваться рациональный субъект речи, строя свои рассуждения о мире.

Следует различать два принципиально разных вопроса: (1) изучает ли логика реальный мир и (2) существует ли до появления субъекта познания объект, тот фрагмент мира, в котором обнаруживается предмет логического знания. Если на первый, хотя и с некоторыми оговорками, можно дать утвердительный ответ, то на второй — безусловно отрицательный. И эти два утверждения совместимы, поскольку речь идет о той реальности, которая будучи фрагментом мира, в то же время порождается человеком и является способом, средством, основанием существования его разума. Я имею в виду язык, существующий как реальный дискурс, как практическая деятельность человека, который именно в этом качестве и становится объектом исследования в аргументологии.

2

Когда речь заходит о практическом повороте логики, явно обозначившемся в конце прошлого века, то прежде всего подразумевается не появление принципиально новых направлений исследований, а явно обозначившийся интерес, который существовал и ранее, но находился как бы на задворках исследовательской активности, а ныне реализуется все более интенсивно и все более широко обсуждается, в рамках которого уже появляются и оригинальные направления. Поэтому сейчас можно говорить о его возрождении, осуществляемом в ходе происходящего на наших глазах общего разворота логики к исследованию рассуждения, рациональных форм обоснования в естественном языке, в рассуждениях, составляющих часть реального процесса жизнедеятельности человека⁷.

⁷ См.: Gabbay Dov M., Woods J. The Practical Turn in Logic // Handbook of Philosophical Logic. 2nd ed. / Ed. by D. M. Gabbay, F. Guenther. 2005. Vol. 13. P. 15–122; Woods J., Johnson R. H., Gabbay D., Ohlbaeh H. J. Logic and The Practical Turn // Handbook of the Logic of Argument and Inference. The Turn Towards the Practical / Ed. by Dov M. Gabbay, Ralph H. Johnson, Hans Jьrgen Ohlbaeh, John Woods. New York, 2002. P. 1–40.

Речь идет об интересе к практическим рассуждениям, лежащим в основе принятия решений, вплоть до его различных институциональных форм, об исследованиях особых типов рассуждения, сопровождающих и детерминирующих практическую деятельность субъекта, стремящегося действовать рационально, структура которых отлична от структуры так называемых теоретических рассуждений. Начало этих исследований лежит еще в аристотелевской концепции практического силлогизма, в посылах которого используются суждения о должном, правильном, о намерении, о цели действия и т. п. Это рассуждения, которые вплетены в практическую деятельность, если она рациональна, и связаны с принятием решения и выбором вариантов действия. В этих исследованиях акцент может делаться на содержательных аспектах принятия решений, на особых стандартах рассуждения агентов реальной деятельности, которые менее теоретичны и менее строги, чем стандарты формальной логики. Разрабатываются логические средства реконструкции механизма принятия решения агентом действия.

Но возможен и другой подход, не отрицающий упомянутые, но дополняющий их, при котором исследуются рассуждения субъекта практической деятельности, определяемые двумя факторами⁸. Первый фактор — степень доступа к необходимым познавательным ресурсам, таким как информация, интеллектуальные мощности и средства вычисления, время, отведенное для принятия решения и т. п. Второй — степень ответственности принимаемого решения, «высота познавательной цели». Эти факторы взаимодействуют друг друга. Понятно, что чем более высокую познавательную цель преследует субъект, тем более он нуждается в познавательных ресурсах. И агенты действия различаются по степени «практичности» рассуждений — от отдельных личностей до институциональных агентов вроде конструкторских бюро и тематических исследовательских групп, разрабатывающих практические проекты. У последних уровень теоретичности процедур принятия решений значительно выше.

Формируются логики, в которых рассуждения, лежащие в основе принятия решения, рассматриваются как обосновывающие только с учетом познавательной цели, преследуемой субъектом действия, и познавательных ресурсов, ему доступных. Логика, которая строит теорию практического рассуждения, должна принимать в расчет эту связь, т. е. строиться как ресурсно-целевая логика («resource-target logics» — RTL)⁹. Практическая RTL есть ресурсно-целевая логика, которая исследует условия эффективности рассуждений в условиях относительно ограниченных ресурсов и определенной ограниченности познавательных целей. В зависимости от сочетания этих факторов считаются

⁸ См.: Gabbay D. M., Woods J. The Practical Turn in Logic. P. 15–122.

⁹ См.: Ibid. P. 18.

допустимыми разные стандарты рассуждения. В случае с индивидуальным субъектом практической деятельности они будут менее строгими, чем для исследовательской группы, разрабатывающей план полета космического корабля на другую планету.

Говоря о практическом повороте логики иногда упоминают возможности использования логики в исследовании самой реальности и в ином отношении. Например, речь идет о формировании логики подсознательного, предметом изучения которой является так называемое предъязыковое «рассуждение»¹⁰. Мы можем описать действия, совершаемые на предъязыковом, подсознательном уровне с помощью некоторых математических структур, и даже сформулировать нормы, отличающие нормальное мышление от патологических форм. Здесь уже речь идет о том, что возможно описать логическими средствами функционирование нейронных сетей и т. п. Исследуя механизм рассуждения можно попытаться распространить свое любопытство и на подсознательный уровень, обеспечивающий возможность рассуждения, существование интеллекта, построить соответствующие математические структуры, описывающие процессы, протекающие на подсознательном уровне. Но можно ли построить аналогичные логические структуры? Логика не ограничивается описанием и объяснением, она формулирует правила, предписания. Логика связана не с описанием, а предписанием. Логика изучает, как человек рассуждает, чтобы установить, как он должен рассуждать, то есть сформулировать правила, чтобы различить его валидные, правильные действия от неправильных. Можно ли здесь говорить о том, что изучение нейронных сетей позволяет нам отличить их правильное функционирование от неправильного, когда последние являются следствием нарушения мыслящим субъектом определенных правил? Мы можем в этом исследовании сформулировать определенные закономерности, принципы и т. п., но не правила. Правило — это то, что предписывает определенные действия в соответствующих определенных ситуациях. Правило — это то, с чем соотносит свои действия субъект деятельности. Правило — это то, что можно нарушить в отличие от объективных законов и принципов устройства реального мира. В последнем случае я лишаясь гарантий получения желаемого результата, т. е. истинного знания, обоснованного знания.

3

Но возникновение разума прямо связано с другой объективной реальностью. С появлением разума в мире возникает новая объективная реальность, которая представляет собой условие и способ существования разума: язык, реально функционирующий дискурс, система речевых действий (коммуникаций и интеракций) как часть реального мира со своей системой объективных

¹⁰ См.: Ibid. P. 15–122.

характеристик. Человек разумный принадлежит к этому миру более, чем к какому-либо другому.

Мысль не является элементом разума, но моментом его движения, его жизни, она не существует как отчуждаемый предмет. Мысль не обладает состоянием покоя, она — момент процесса мышления, одну и ту же мысль нельзя высказать дважды или передать другому, как нельзя сделать дважды или передать другому один и тот же шаг. Последний не существует как отчуждаемая данность, он — момент процесса движения. Мысль — момент движения разума и должна рождаться всякий раз заново, заново должна осуществляться в речи, в рассуждении, поскольку она не существует за пределами языка. Традиционно логика толкуется как область знания, изучающая правильные формы перехода от одних высказываний к другим, при этом высказывания — это не реальные элементы дискурса, в которых рождается мысль, а продукты абстракции, существенно упрощающие реальный процесс речевых коммуникации и интеракции. Речь выступает не только средством и способом рождения и существования мысли, она является частью реального мира, в которой функционирует разум. Следующий шаг, который делает логика и, в частности, логическая прагматика — изучение правильных форм реального функционирования речи. Узнав «how to do things with words», мы должны сделать следующий шаг и исследовать, как в речи, ставшей межсубъектной реальностью, в действиях, которые мы совершаем с помощью слов, реализуется отношение следования и что представляет собой отношение следования как характеристика мира. Это отношение не сводимо, конечно, к причинно-следственному отношению, упорядочивающему события в мире. Но и традиционное отношение логического следования здесь не работает. Одной из причин оказывается несводимость семантики элементарных речевых действий к истинностной характеристике высказываний.

Практический поворот предполагает не просто использование, интерпретацию теоретических абстрактных моделей в контексте того или иного прикладного интереса, т. е. вынесение полезных для жизни выводов из теоретического знания. Практический поворот логики означает переориентацию логики на решение своей изначальной задачи — анализ рассуждения, аргументирующего дискурса. Но, делая предметом анализа аргументативные структуры и аргументацию как форму и основание всякого действия разума, логика вновь занимает свое место среди наук, изучающих мир, и прежде всего как средство обнаружения разума в этом реальном мире, в той его части, которая образуется действиями, совершаемыми с помощью слов. Раздел логического знания, называемый «теория аргументации» или аргументология, изучает дискурс, реальное функционирование языка не только как продукт разума, не только как разумную деятельность, но и как средство воспроизводства разума и способ его бытия. И в этом случае аргументология, как и любая

другая область знания, не может быть чисто формальной, поскольку изучает не просто формы мысли, а реальный процесс функционирования разума.

Проблема отношения между языком и миром не сводима к отношению истинности, притом, что сама истинность не сводима к отношению между миром и словом. Высказывания, с которыми имеет дело классическая логика, в том виде как их интерпретирует классическая логика, по сути дела, не являются языковыми сущностями, связанными каким-либо ясным образом с естественным языком и его порождениями. Я. Лукасевич, утверждая, что логика изучает не мышление, а язык, провоцирует разрывание единого целого на две, не существующие одна без другой части: мышление и язык. В этом случае язык предстает как система знаков, независимая от разума. То есть уже не язык — способ существования разума, а система знаков, указывающая на объект, система имен, связь которых с именуемым объектом не опосредована разумом. В этом случае имя не рассказывает о предмете мысли, а указывает на объект. А мышление предстает не как содержание речи, языка, поскольку он функционирует как средство рождения мысли, а как явления никакого языка, чистые формы мысли, о которых ведут речь сторонники той точки зрения, что логика — это наука о мышлении, для которых мышление неявно выступает как внеязыковая сущность.

Традиционное понимание истинности связывает ее с пропозициональным содержанием речевого акта, а элементом следования в реальном аргументативном дискурсе становится совершаемое человеком в отношении другого человека речевое действие, семантика которого не сводима к истинностной характеристике его пропозиционального содержания. Аргументология имеет дело с реальным функционированием языка, с речью. Следовательно, для нее аргумент — особого рода речевое действие, акт речевой коммуникации и речевого взаимодействия субъектов практического действия. Для классической логики аргумент — это, строго говоря, даже не высказывание, а место, которое занимает высказывание в логически определенной структуре. И логическая специфика аргумента определяется той специфической логической формой, которая превращает некоторое высказывание в аргумент. Эта специфика не зависит ни от содержания высказывания, ни от обстоятельств его возникновения, ни от специфики, культурной, профессиональной и т. п. субъекта речи, который его использует в своей аргументации.

Другими словами, аргументация в традиционной логике предстает как некая идеальная схема, явившаяся результатом отвлечения от условий, обстоятельств реальной речи. Современные исследования аргументации рассматривают ее как реальный процесс речи, особого рода практическую деятельность. Простейшие элементы этой деятельности — речевые действия, которые рассматриваются также с точки зрения той функции, которую они выполняют, занимая определенной место в конкретной схеме речевого действия. Но сам

речевой акт обладает сложной структурой. Во-первых, он обладает конкретным пропозициональным содержанием (P), т. е. выражает некоторую мысль. Высказывая эту мысль, субъект речи преследует определенную цель, которая опознается или не опознается адресатом речевого действия, реализуется (достигается) или не реализуется (не достигается). Сама цель также обладает сложной структурой. Во-первых, я стремлюсь, чтобы адресат речи меня определенным образом понял. Причем он должен не просто правильно понять сказанное мной (например, совет, приказ, аргумент, обещание и т. п.), он должен быть уверен, что я, обращаясь к нему, действительно хочу, чтобы он меня понял именно так. А для этого, формируя свой речевой акт, я должен исходить из тех конвенций, которые существуют в языке, компетентным носителем которого является адресат моего обращения, именно для выражения этих коммуникативных функций, для достижения именно этих коммуникативных целей. То есть, совершая речевое действие, я одновременно совершаю определенное социально значимое действие, например, обещаю, требую, приказываю, клянусь и т. п. И для каждого из таких видов практических вербальных действий существуют определенные правила, которые Дж. Сёрль назвал конститутивными правилами. Последние в отличие от регулятивных правил не допускают нарушений. Невыполнение этих правил означает несовершение соответствующих коммуникативных действий. И здесь важно вот что: как только мы переходим к разговору о конститутивных правилах аргументации, мы переходим к разговору не об абстрактных схемах, преимущественном предмете исследования в классической логике, а к исследованию реальности, реальных действий. Аргумент как речевой акт должен рассматриваться не только как логическая функция высказывания ($L(P)$), определенность которой задает соответствующая логически валидная структура рассуждения, но и как особого рода коммуникативное действие. Аргументативный речевой акт обладает определенностью как иллокутивная сила, т. е. как некое действие, посредством которого говорящий стремится достичь определенной коммуникативной цели, и это стремление будет опознаваться слушателем как компетентным носителем языка, соответствующие конвенции и конститутивные правила которого реализованы в данном акте говорения. Но речевой акт — не только элемент коммуникации, некое коммуникативное действие, это еще и элемент интеракции, т. е. средство воздействия на слушателя — воздействия, которое приводит к изменениям в мире. Дж. Остин, открывая перформативы как особого рода речевые действия, показывал, что само их произнесение производит существенные изменения в мире. Когда, участвуя в акте своего бракосочетания, вы в ответ на вопрос ведущего церемонию высказываете согласие на вступление в брак, вы не просто сообщаете свидетелям информацию, вы вступаете в брак. Ясно, что это ваше речевое действие, приведшее к существенному изменению мира, не может рассматриваться как

истинное или ложное, как и всякое иное практическое действие, совершаемое вами. Пропозициональное содержание данного речевого акта может быть истинным или ложным, но не само действие. Как и всякое действие, оно не может быть отменено. Можно совершить другое действие, которое устранил некоторые последствия первого, но не устранил само это действие.

Конечно, далеко не всякое сказывание своего согласия вступить в брак с понравившимся тебе человеком будет рассматриваться как акт вступления в брак, т. е. приведет к желаемому изменению мира. Точно так же не всякий речевой акт, совершенный его автором с целью аргументации, будет таковым на самом деле, т. е. приведет к соответствующим изменениям в мире. Для этого должны быть выполнены соответствующие конститутивные правила, которые превратят ваше речевое действие в аргументивный акт. Во-первых, пропозициональное содержание этого речевого акта должно быть истинным для самого говорящего. Кроме того, слушатель должен быть уверен, что говорящий считает его истинным, а не пользуется неосведомленностью слушателя. Во-вторых, схема дискурсивного действия, элементом которой является речевой акт, обладающий этим пропозициональным содержанием, должна быть логически валидной с точки зрения говорящего. При этом у слушателя не должно быть сомнения, что говорящий сам считает используемую им форму рассуждения правильной. В-третьих, схема дискурсивного действия должна задавать этому речевому акту определенную иллокутивную силу, которая опознается слушателем как осознанное говорящим намерение продемонстрировать слушателю свое намерение убедить его в приемлемости пропозиционального содержания другого речевого акта, приемлемость которого для говорящего несомненна. В-четвертых, слушатель не только должен узнавать в речевом акте определенное намерение говорящего, за которое тот готов нести ответственность, он должен принять пропозициональное содержание этого акта как истинное, а его логическую форму как валидную. То есть аргументивный речевой акт обладает сложной структурой — $F_p F_i L(P)$. Если в первом случае мы говорим об истинности или ложности пропозиционального содержания — P , во втором случае мы говорим о логической правильности или неправильности схемы речевого действия — $L(P)$, в третьем случае о коммуникативной успешности или неуспешности — $F_i L(P)$, то в четвертом случае мы говорим об эффективности речевого действия — $F_p F_i L(P)$, поскольку в случае истинности, логической правильности и коммуникативной успешности, достигается преследуемый результат: рациональный и компетентный носитель языка не может в случае выполнения этих условий продолжать рассматривать пропозициональное содержание соответствующего речевого акта как необоснованное.

Рассматривая аргументацию в прагматическом контексте, как реальный процесс деятельности, мы обнаруживаем, что отношение следования, реали-

зуемое в этом процессе, также обретает практические коммуникативные характеристики. Оно не может быть отвлечено от содержательных и деятельностных характеристик речевых актов, отношение между которыми оно и фиксирует. Как показал еще Аристотель, аргумент в силу его диалектической природы может случиться только с санкции адресата аргументации. Именно в этом Аристотель видит особенность диалектического и риторического силлогизмов. В первом в качестве посылок аргументирующий может использовать только ответы адресата аргументации на свои вопросы, и потому искусство ведения диалектической беседы состоит прежде всего в искусстве вопрошания: надо задавать такие вопросы и так, чтобы получать от собеседника полезные для построения аргументации ответы. В случае риторического силлогизма оратор, обращающийся к публике, не вправе задавать вопросы в расчете на ответ, и поэтому он сам выбирает лишь те посылки, которые наверняка присутствуют в уме слушателей, т. е. пользуется энтимематической формой обоснования. Это два способа реализации тех правил аргументации, о которых шла речь выше.

Аргументация, построенная в одной ситуации общения, может оказаться неприемлемой в другой ситуации, при том, что в ней все останется без изменений, поскольку в аргументации важным условием являются согласие собеседника и определенность контекста — как вербального, так и невербального. Речь идет не только о иллокутивных и перлокутивных характеристиках речевого акта, но и о его пропозициональном содержании. В изменившемся контексте пропозициональное содержание приобретает иной смысл, с которым могут не согласиться не только слушатели, но и сам автор. Здесь коммуникативная природа истины становится демонстративно очевидной. То есть прежде чем можно будет говорить об истинности или ложности суждения, это суждение должно быть высказано кем-то кому-то, предстать в форме иллокуции, выступить элементом коммуникации, диалога, который задает высказываемой мысли, кроме всего прочего, коммуникативную определенность.

В этих исследованиях логика становится практической дисциплиной не только с точки зрения возможных приложений теории и их полезности для практики, но обретает в качестве своего объекта исследования реальную, практическую деятельность человека. Она исследует здесь не формы следования, а деяния, обладающие всеми характеристиками объектности, как и всякий иной объект познания, притом, что существование этих особых объектов реальности — ни один лишь продукт разума, сами эти объекты есть способ существования и воспроизводства коллективного разума. Логика, делая предметом анализа аргументативные структуры реальности и аргументацию как основание всякого действия разума, занимает свое место среди наук, изучающих мир. Просто объектом ее интереса становится реальный дискурс, рассуждение, а не модели как таковые, сами по себе. При этом аргументо-

логию неверно было бы называть прикладной логикой. Аргументология не сводима к системе полезных для субъекта рассуждения рекомендаций, которую можно было бы построить на основе современного логического знания. Такие системы рекомендаций строятся в рамках аргументологии, и они бесспорно полезны. Но главное в другом. В то время как теоретическая традиционная логика исследует математические модели языка, аргументология исследует сам реальный дискурс, т. е. является практической логикой, которая безусловно должна использовать сформированные на службе у математики аналитические средства, делающие логический анализ рассуждения более изощренным и тонким, но только при условии, что установка делается не на избавление от содержательного контекста, а на его включение в анализ. Логика, которая называет себя неформальной или аргументологией, как раз и пытается строить формальный анализ, в котором содержательный контекст рассматривается как необходимое условие существования предмета анализа, т. е. рассуждения.